

УДК 81.25

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ДИСКУРСА

© А. Р. Рюкова

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел.: +7 (347) 251 59 07.**Email: aisylu-r@mail.ru*

В статье рассматриваются проблемы, связанные с определением понятия «дискурс» в современной когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистики. Автор приводит определения дискурса, данные отечественными и зарубежными лингвистами и обращает внимание на многоаспектность понятия «дискурс», приводящую к множественности определений данного понятия. В работе приведены различные классификации дискурса. Автор отмечает, что одной из проблем дискурсивного анализа является проблема типологии дискурса, связанная с многообразием дискурсивности и размытости критериев, демонстрирующих различия одного типа от других. Особое место в типологии дискурса занимает медийный дискурс, в рамках которого осуществляется речевое воздействие на общественное сознание.

Ключевые слова: адресант, адресат, дискурс, дискурсивный анализ, дискурсивное высказывание, типы дискурса, коммуникативная реальность, манипуляция, медийный дискурс, речевое воздействие, средства массовой информации, функциональный стиль, экстралингвистический контекст.

В настоящее время уделяется особое внимание к роли языка в создании культурно-семиотического компонента общественного сознания и в межкультурном социальном взаимодействии. Это ведет к соответствующему расширению сферы лингвистических исследований. Интересы в изучении языка охватывают исторический и социальный контекст, в котором язык развивается и функционирует.

Обратимся к понятию «дискурс» в когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистики. Впервые термин был употреблен в работе З. Харриса «Анализ дискурса» 1952 года, положившей начало современной лингвистике текста. З. Харрис установил, что в смежных высказываниях регулярно повторяются морфемы и синтаксические конструкции, кроме того, различные выражения, попадающие в идентичное окружение, несут смысловую эквивалентность [14].

Следует отметить, что в результате тенденций к междисциплинарному рассмотрению языка, термин «дискурс» получил множество новых интерпретаций. По мнению многих лингвистов, правомерно говорить о полисемии этого термина [1–2]. Так, по словам В. Г. Борботько, «язык, повернувшись в дискурсе своей динамической стороной, приобрел вид совершенно нового, необычайно сложного объекта. Многоаспектность дискурса обусловила, в частности, множественность его определений и сравнительно быструю эволюцию в концепциях даже внутри одного и того же научного направления» [2, с. 13].

В «Англо-русском словаре лингвистики и семиотики» авторы дают три толкования термина. Во-первых, это термин лингвистики и семиотики, определяемый как совокупность тематически, культурно и как-либо еще взаимосвязанных текстов, допускающая развитие и дополнение другими текстами. Во-вторых, это термин социологии, со-

циальной семиотики и политологии, введенный М. Фуко, и определяемый как общение, рассматриваемое как реализация определенной дискурсивной практики – совокупного множества разнообразных сфер человеческого познания. В-третьих, дискурс рассматривается как вид речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни и единственным своим мотивом имеющий достижение понимания [1].

Рассмотрим особенности употребления термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике.

Т. А. ван Дейк в своей книге «Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации», описывая дискурсивный характер властных взаимоотношений в современном обществе, их репрезентацию в текстах и дискурсах различного вида, отмечает, что «дискурс подвергается анализу не только как автономный вербальный «объект», но и как контекстуальное взаимодействие, социальная практика или тип коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте» [10, с. 22]. Анализируя дискурсивное воспроизводство власти, исследователь выделяет фундаментальные отношения трех концептов – дискурса, знания и общества, подчеркивая, что прямой связи между ними не существует. Так, автор пишет: «... нет никакого прямого влияния, которое социальные структуры оказывают на тексты. Скорее, субъекты социальных отношений наблюдают, переживают, интерпретируют и репрезентируют социальные структуры, например, как часть их повседневного взаимодействия или коммуникации. Именно эта (субъективная) репрезентация, эти ментальные модели специфических событий, это знание, эти оценки и идеологии в конечном счете влияют на дискурсы и другие социальные практики. Другими словами, личное и социальное

знания всегда выступают посредником между обществом или социальными ситуациями и дискурсом. Следовательно, КДИ (критические дискурсивные исследования) направлены на изучение социальных проблем в контексте триангуляции «дискурс – познание – общество». Ни одно из этих измерений не может быть понято без другого» [10, с. 35].

Г. Уиддоусон понимает под дискурсом модель, а под текстом – конкретную реализацию этой модели, считая текст лингвистическим продуктом дискурса. Г. Уиддоусон подчеркивает, что тексты создаются с определенной коммуникативной целью: передать сообщение, выразить мысль или убеждение, объяснить что-либо, заставить действовать или думать по-другому. Этот комплекс коммуникативных целей представляет собой дискурс, который обуславливает текст и служит причиной его появления. При восприятии читателя или слушателя должны выделить смысл этого текста, воплотить его в коммуникативную реальность («communicative reality»). Другими словами, они интерпретируют текст как осмысленный дискурс. В таком понимании тексты не несут смысл, они выполняют посредническую функцию между дискурсами. [12, с. 6]. Таким образом, Уиддоусон использует термин «дискурс» для обозначения того, что имеется в виду при порождении текста, а также то, что текст обозначает для адресата [12, с. 7].

Дж. П. Джи разграничивает дискурс в узком понимании («discourse» with a «little d»; «little d» discourse) как ситуативное использование языка (language-in-use) и собственно дискурс («Discourse» with a «big D»; «big D» Discourse), включающий в себя невербальный компонент [13]. Согласно Дж. П. Джи, ядро собственно дискурса составляет идентификация, распознавание («recognition»). Дискурс реализуется, если по совокупности языка, действий, взаимодействий, ценностей, верований, символов, предметов, инструментов, мест окружающие идентифицируют индивида как лицо, вовлеченное в определенные действия здесь и сейчас [13].

Британский лингвист Дэвид Кристал выделяет, с одной стороны, анализ дискурса (discourse analysis), сосредоточенный на структуре естественной устной речи, которую мы находим в интервью, беседе, комментарии, речи. С другой стороны, структурой письменного языка, который реализуется в жарах очерка, заметок, глав книг, занимается анализ текста (text analysis) [12].

По мнению Ф. Эльгорски, термин «дискурс» полисемичен лишь на первый взгляд. «В действительности он всегда обозначает определенным образом организованную речевую деятельность, связанную с некоторой лингвистической областью (социологический, идеологический, культурный контекст) или с чем-нибудь невысказанным (бессознательным, предполагаемым)» [15, с. 22].

Таким образом, при определении понятия «дискурс» в зависимости от исследовательской

традиции вносятся различные акценты в понимание того, какие именно составляющие экстралингвистического контекста в большей степени имеют дискурсообразующий характер.

В дискурсивном анализе выделяют несколько кругов проблем. Так, А. А. Кибрик выделяет три аспекта: проблемы, связанные со структурой дискурса; проблемы влияния дискурсивных факторов на языковые уровни; и проблемы классификации дискурсов [6, с. 79–80].

В настоящее время терминологическая классификация дискурсивного высказывания весьма неоднородна. Разные варианты типологии дискурса представлены в работах Б. Н. Головки, Г. Г. Почепцова, В. И. Карасика, Г. М. Яворской и др.

Так, например, Б. Н. Головки типизирует дискурсивность по следующим видовым составляющим: педагогический дискурс, политический дискурс, социальный дискурс, идеологический дискурс, публичный дискурс, научный дискурс, критический дискурс, резонансный дискурс, юридический дискурс, военный дискурс, родительский дискурс, этический дискурс, прагматические дискурсы, к которым принадлежат все названные, на том основании, что в каждом из них актуализируются определенные коммуникативные стратегии [3, с. 32–33].

Г. Г. Почепцов классифицирует дискурсы со следующих позиций: особенностей речи в контексте дискурса, особенностей знакового отражения реальной ситуации этим дискурсом и особенностями коммуникативной ситуации. Автор выделяет теле- и радиодискурс, газетный, театральный, кинодискурс, литературный, дискурс в сфере «паблик рилейшнз», рекламный, политический, тоталитарный, неофициальный, религиозный, неправдивый, ритуальный, этикетный, фольклорный, мифологический, праздничный, невербальный, межкультурный, визуальный, иерархический, иронический [9, с. 75–100].

В. И. Карасик предлагает выделять два основных типа дискурса: персональный (личностно-ориентированный) и институциональный [4, с. 5–20]. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института. Институциональный дискурс, по мнению В. И. Карасика, «есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [4, с. 5–20]. В классификации В. И. Карасика, персональный дискурс представлен двумя основными разновидностями – бытийный и бытовой (обиходный) дискурс [5, с. 208].

Бытийный дискурс носит развернутый характер, представляет собой попытку передать всю красоту внутреннего мира говорящего. В нем используются все формы речи на базе литературного языка. «Бытийное общение носит преимущественно монологический характер и представлено произве-

дениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами» [5, с. 240].

В отличие от бытийного, бытовой дискурса, как правило, представлен в виде диалога. Общение протекает между хорошо знакомыми людьми, поэтому оно происходит на сокращенной дистанции и пунктирно. Так как участники диалога хорошо знакомы, они понимают друг друга с «полуслова». В таком общении зачастую детали разговора не проговариваются.

Как видим, большинство авторов классифицируют дискурсы по функциональному стилю в соответствии со сферами человеческой жизнедеятельности.

Особое место в таксономии дискурса занимает дискурс СМИ, или медиадискурс. Массмедийный дискурс также отличается разнообразием и включает такие типы как политический, журналистский, рекламный, радиодискурс, и т.д. Параметры выделения различных типов медиадискурса соответствуют когнитивным установкам адресанта, характеристикам целевой аудитории, лингвистическим и экстралингвистическими стратегиям подачи информации. Медиадискурс, представленный в печатном издании, также имеет свою типологию. Так, при анализе печатных изданий, Е. О. Менджеричка говорит о следующих типах дискурса: дискурсе «качественной» прессы; дискурсе «популярной» прессы, включающем дискурс желтой прессы и дискурс глянцевого журналов; дискурс специализированных изданий, таких как научные и научно-популярные журналы [7, с. 78].

Специфика медийного дискурса заключается в его ориентированности на массового адресата. Помимо этого, в современную эпоху «тотальной информатизации общества» медиадискурс приобретает межнациональный характер, аккумулируя социальную и культурно-историческую память конкретных языков. По мнению, Н. Лумана, почти все, что нам известно об окружающем мире и обществе, мы узнаем через средства массовой информации, к которым, однако, чувствуем недоверие, подозревая возможность манипуляции [16].

В рамках дискурса СМИ осуществляется воздействие на общественное сознание, часто с использованием манипуляционных технологий. Как пишет А. К. Михальская, функция манипуляции общественным мнением «властно вытесняет» в начале XXI в. все классические функции масс медиа – информационную, контролирующую, образовательную и др. [8].

По определению В. Е. Чернявской, манипуляция есть «речевое воздействие, направленное на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий; как скрытое внедрение в его сознание желаний, отношений, установок,

служащих осуществлению интересов отправителя сообщения, которые необязательно совпадают с интересами адресата» [11, с. 19]. Констатируя собственную реальность, средства массовой информации становятся посредниками в формировании отношения людей к реальному миру.

Существуют различные способы речевого воздействия в массмедийном дискурсе. Выбор конкретных языковых средств оказывает влияние на процесс восприятия и воспроизведения действительности.

Таким образом, категория дискурса объединяет в единое целое вербальную составляющую коммуникации и ее экстралингвистические компоненты как социокультурного, так и ситуативно-контекстного характера. Современные лингвисты определяют различные типы дискурса, однако, нет четких критериев, демонстрирующих отличие одного типа от другого в силу их многообразия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М.: Помовский и партнеры, 1995.
2. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 288 с.
3. Головкин Б. Н. Интертекст в массмедийном дискурсе. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 264 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 385 с.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. 220 с.
6. Кибрик А. А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект, 2011. 332 с.
7. Менджеричка Е. О. Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и типология медиадискурса // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект, 2011. 332 с.
8. Михальская А. К. Язык российских СМИ как манипулирующая система // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: тезисы докладов международной научной конференции (Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 25–27 октября 2001 г.) / под общ. ред. М. Н. Володиной, М. Л. Ремневой. М., 2001. С. 23–25.
9. Почепцов Г. Г. (мл.) Теория коммуникации. К.: 1999. 210 с.
10. Тен А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
11. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
12. Crystal D. Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1994.
13. Gee J. P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. Routledge. Taylor and Francis Group. London and New York. 2005.
14. Harris Z. S. Analyse du discours // Languages, 1969. №13. P. 8–45.
15. Helgorsky F. Norme et Histoire // Le français modern, 1982. №1. P. 15–41.
16. Luhmann N. Soziale Systeme. Frankfurt. M., 1985.
17. Widdowson H. G. Discourse Analysis. Oxford University Press, 2011.

Поступила в редакцию 09.03.2016 г.

ON THE QUESTION OF DISCOURSE CLASSIFICATION

© A. R. Ryukova

*Bashkir State University
32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 251 59 07.

Email: aisylu-r@mail.ru

In the article the problems of defining the notion “discourse” in the modern branch of cognitive linguistics, the discourse analysis, are considered. Nowadays a special attention is paid to the historical and social context of language development and functioning. The author presents the definitions of discourse given by Russian and foreign linguists and focuses on the diversification of the notion “discourse”, which results in a variety of definitions of the notion. The core of discourse is recognition. Discourse is realized, if according to a combination of language, actions, interactions, values, beliefs, symbols, objects, tools, places, the public identify an individual as a person involved in actions right here and right now. Thus, in defining the notion “discourse” linguists focus on the extralinguistic aspects forming the discourse, such as social, ideological, cultural, etc. The article illustrates various discourse classifications. The author claims that one of the problems of discourse analysis is the problem of discourse classification due to a variety of discourse types and indistinct criteria between them. A special place is held by mass media discourse, which is characterized by linguistic manipulation of the public mind. Stating their own reality mass media sources become intermediary in forming the attitude of people towards real world. There are several means of linguistic manipulation in mass media discourse. The choice of the means affects perception and representation of reality. All in all the category of discourse combines the verbal component of communication and its extralinguistic components of cultural, social, and contextual character. Modern linguists single out various types of discourse, however, there are no distinct criteria demonstrating the difference between them due to their variety.

Keywords: *addressant, addressee, discourse, discourse analysis, discourse utterance, types of discourse, communicative reality, mass media discourse, linguistic manipulation, mass media, functional style, extralinguistic context.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Anglo-russkii slovar' po lingvistike i semiotike [English-Russian dictionary of linguistics and semiotics]. Ed. A. N. Baranova i D. O. Dobrovolskogo. Moscow: Pomovskii i partnery, 1995.
2. Borbot'ko V. G. Printsipy formirovaniya diskursa: Ot psikholingvistiki k lingvosinergetike [Principles of formation of discourse: From psycholinguistics to linguosynergetics]. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2011.
3. Golovko B. N. Intertekst v massmediinom diskurse [Intertext in mass media discourse]. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2012.
4. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002.
5. Karasik, V. I. Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs. Sb. nauch. tr.. Ed. V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. Volgograd: Peremena, 2000.
6. Kibrik A. A. Yazyk i diskurs sredstv massovoi informatsii v XXI veke. Ed. M. N. Volodinoi. Moscow: Akademicheskii proekt, 2011.
7. Mendzheritskaya E. O. Yazyk i diskurs sredstv massovoi informatsii v XXI veke. Ed. M. N. Volodinoi. Moscow: Akademicheskii proekt, 2011.
8. Mikhail'skaya A. K. Yazyk sredstv massovoi informatsii kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, filologicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 25–27 oktyabrya 2001 g.) / pod obsch. red. M. N. Volodinoi, M. L. Remnevoi. Moscow, 2001. Pp. 23–25.
9. Pocheptsov G. G. (ml.) Teoriya kommunikatsii [The theory of communication]. K.: 1999.
10. Ten A. van Deik. Diskurs i vlast': Reprerentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and power: Representation of domination in language and communication]. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2013.
11. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya: uchebnoe posobie [The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence: textbook]. Moscow: Flinta: Nauka, 2006.

12. Crystal D. Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1994.
13. Gee J. P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. Routledge. Taylor and Francis Group. London and New York. 2005.
14. Harris Z. S. Languages, 1969. No. 13. Pp. 8–45.
15. Helgorsky F. Le français modern, 1982. No. 1. Pp. 15–41.
16. Luhmann N. Soziale Systeme. Frankfurt. Moscow, 1985.
17. Widdowson H. G. Discourse Analysis. Oxford University Press, 2011.

Received 09.03.2016.